

ТАТЬЯНА ВЛАСОВА
ГУНДЗИ ХИКИТА

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

О языке “посткоммунистического” периода

О. Соотношение языка и действительности, установление первичности лингвистического и исторического явления давно уже составляет едва ли не самый внушительный корпус языковедческих исследований. Однако, в отличие от прочих областей лингвистики, в исторической и сравнительной лексикологии, а также в социолингвистике невозможно достижение конечного результата — даже самые современные на сегодняшний день словари и справочники через незначительные промежутки времени теряют свою обстоятельность в силу неизбежности дальнейшей эволюции исторической действительности и языка. Особую проблему в этом смысле представляет русский язык как язык общества, пережившего и переживающего политические, экономические и прочие всевозможные катаклизмы. Пожалуй, как ни в одном другом, в русском языке происходят эволюционные процессы, определяемые “сверху” — высшей политической властью и средствами массовой информации. В настоящее — посткоммунистическое — время, несмотря на кажущееся освобождение от цензурной подконтрольности и партийных директив, русский язык продолжает существовать в рамках оруэлловского “новояза” (“*newspeak*”), когда политическая система и пресса, ей следующая, формируют основной лексический массив социально обусловленных терминов и клише, предлагая (если не сказать — навязывая) его всей стране.

В этой ситуации в наиболее сложном положении оказываются не столько русские лингвисты, сколько иностранные специалисты, связанные с русским языком по роду своей деятельности — переводчики, преподаватели. “Словарная индустрия” в бывшем СССР, как, впрочем, и в других странах, по ряду объективных (значительные объемы работ, необходимость тщательной выверки и анализа новых лексических пластов) и субъективных (экономические трудности, недостаток полиграфических мощностей, отсутствие торговых заказов при ориентации внутреннего книжного рынка на исключительно развлекательную литературу) причин не может следовать параллельно лингвистическим процессам. Поэтому наиболее оперативную помощь иностранным специалистам в области русского языка могут оказать описательные статьи, фиксирующие те изменения в русском языке, которые до настоящего времени не нашли своего отражения в словарях русского языка. При этом мы считаем необходимым сопровождать каждую такую статью кратким словарем, в котором объясняются новые русские слова, отсутствующие в академических словарях или имеющие значения, отличные от традиционных словарных. В этой статье мы попытаемся проследить, какие изменения произошли в языке русской прессы, радио и телевидения в последнее время, особенно после августа 1991г., ставшего переломным в жизни всей страны.

1. Изменение политической ситуации прямо связано не только с тем, какую информацию публикуют газеты, передают радио и телевидение, но и с тем, *на каком языке* это делается. Общеизвестно, что язык прессы в советскую эпоху в силу строжайших идеологических ограничений и табу отличал определенный набор клише “на все случаи жизни”, которым пользовались журналисты, рассказывая о событиях внутри страны и за рубежом, причем социально-оценочный характер газетных штампов, их установка на “позитивное” и “негативное” при частой повторяемости позволяли читателям

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

легко понять направленность авторской оценки и “воспринять” *идеологическую установку* относительно излагаемой информации (естественно, вопрос согласия/несогласия с данной оценкой был личным делом читателя). Этот мертвый, условный язык был бесконечно далек от разговорного языка улиц, очередей, на котором общались живые люди, и от самой действительности, которая отражалась в информации прессы в малой степени, в искаженном виде и под тем углом зрения, который требовался идеологическими установками. Даже для употребления экспрессивной лексики существовал определенный набор метафор и тропов, использование которых мало зависело от авторского владения литературным языком и было легко предсказуемым. Ситуация языковой дихотомии описана в статьях зарубежных и отечественных авторов¹, мы же попытаемся проследить, что пришло на смену языковой дихотомии советского времени. Изменение уклада жизни, роли и места прессы в обществе, как в зеркале, отразились в языковой ситуации. Современная политическая, общественная жизнь в России представляет богатый материал для историков, который они, несомненно, будут глубоко и тщательно анализировать, чтобы дать объективную оценку нынешней ситуации в бывшем СССР. Сродни этому и задачи лингвистов — проследить за тем, как изменяется языковая ситуация — это важно в широком культурном контексте и в более узких — профессиональных — целях: в оценке речевых норм, взаимодействия различных слоев лексики, социолингвистической ситуации, для словарной работы.

Не претендуя на полноту анализа, остановимся на таких вопросах, как появление нового набора клише взамен старых в официальном языке, переход лексики из активного словаря в пассивный и наоборот, усиление интегрального процесса проникновения слов из вторичных коммуникативных систем в литературный язык, возникновение новых слов.

2. Прежде всего — несколько слов о *топонимике*. В отличие от

других лексических пластов этот, как правило, менее динамичен в связи со строгой закреплённостью географических имен, и сами слова-топонимы реже подвергаются изменениям. Однако в советской истории эта лексика всегда была тесно связана с государственной идеологией — отсюда длинная череда переименований и пере-переименований названий городов, улиц и т.д. в относительно короткий для истории период времени. Отметим прежде всего отмену географических названий, данных городам и улицам в советское время, и возвращение старых, исконных :

<i>советское название</i>	<i>исконное</i>
Калинин	Тверь
Горький	Нижний Новгород
Куйбышев	Самара
Свердловск	Екатеринбург
Ульяновск	Симбирск
Жданов	Мариуполь
Ленинград	Санкт-Петербург

В связи с последним названием приведем также производные прилагательные — официальное “*петербургский*” и неофициальное — “*питерский*”, возникшее ещё во второй половине XIX века от разговорного названия Петербурга — “*Питер*” (от “Peter”).

Другое явление в топонимии — изменение грамматических форм географических названий бывших советских республик путем замены употреблявшихся в советское время русифицированных имен на национальные : современное “*Молдова*” — вместо советского “*Молдавия*”, “*Беларусь*” — вместо “*Белоруссия*”, “*Татарстан*” — вместо “*Татария*”, “*Кыргызстан*”

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

— вместо “*Киргизия*”, “*Башкортостан*” — вместо “*Башкирия*” — последние названия более близки традиционным или больше соответствуют своему звучанию на национальных языках. Так, в слове “Кыргызстан” есть не свойственное русской фонетике сочетание [КЫ], которое передает твердое произношение начального “к” и “г” в киргизском языке.

Изменяются также названия республик и областей, составленные по принципу буквенных или звуковых сокращений. Отметим 2 из них *НКР* (*Нагорно — Карабахская Республика*) и *ПМГ* (*Приднестровская Молдавская Республика*). Оба эти сокращения являются относительно новыми, но в связи с особой частотой употребления в прессе из-за происходящих там трагических событий они быстро стали понятными и привычными и, как правило, даются без расшифровки, что может вызвать трудности у человека, не следящего за политическими событиями в бывшем СССР.

После распада СССР и с обострением межнациональных отношений в России особую важность и щекотливость приобрел вопрос именования людей, проживающих на ее территории. До недавнего времени слово “*русский*” могло не только называть представителя русской национальности, но и служить общим именованием для проживающих на территории России независимо от национальной принадлежности (как, например, “американец” для граждан Америки), хотя в официальных документах указывалась истинная национальность. В связи с ростом антирусских настроений в бывших советских республиках, обострением межнациональных конфликтов внутри России официальным названием, употребляемым в речи членов правительства России и информации прессы, стало “*россиянин*” Е ж.р. — *нка*; мн. ч. — *не* (суфф. [ан] от *Росси*[j/a]).

3 - а) Мощным источником притока новых слов является *процесс заимствования* (в основном из английского языка), идущий сейчас особенно

интенсивно. В широкое употребление входят как вновь образовавшиеся слова, так и существовавшие раньше, но в силу различных причин мало употреблявшиеся и бывшие не известными широким слоям населения. Особенно много новых слов появилось в связи с перестройкой политической системы в России, так как многие элементы (и, следовательно, соответствующая лексика) заимствуются у Запада. Так, слово “*спикер*” в современном словаре² определяется, как “Председатель палаты общин в Великобритании, а также нижних палат в парламентах некоторых других государств (Индии, Японии и др.)”. Поскольку должность спикера была характерна только для зарубежных политических систем, люди, далекие от политики, были с ним не знакомы. В широкое употребление оно вошло, когда в 1987–1988г.г. резко изменилась роль Верховного Совета в политической жизни СССР: администрация Горбачева заменила путем всенародных выборов формальный и пассивный Верховный Совет сталинско — брежневских времен на активно действующий высший орган законодательной власти СССР и, хотя название “*Верховный Совет*” официально осталось прежним (как и название нынешнего Верховного Совета России), в средствах массовой информации утвердилось и употребляется в основном название “*парламент*”, а его председателя называют “*спикером*”, например — в названии еженедельной телепередачи “Парламентский вестник”, в газетах: “Спикер парламента Р.Хасбулатов дает интервью итальянской газете”, “Встреча спикера парламента с представителями оппозиции” и т.п.

Другим примером подобного типа может служить заимствованное из английского языка сравнительно недавно слово “*брифинг*” (англ. “*briefing*”), т.е. “совещание представителей прессы и правительства, где... освещается позиция правительства по определенному вопросу, ход каких-либо переговоров и т.д.”³ — в предыдущем издании академического словаря⁴ это слово отсутствует. До исторического перелома в СССР, т.е. до 1987–88гг., мероприятия такого типа были крайне редки, а существовавшее до сих пор слово “*пресс-*

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

конференция” служит названием мероприятия другого типа, поэтому и утвердилось новое слово в русском языке. Грамматическая сочетаемость совпадает с сочетаемостью слова “пресс — конференция”: с существительным в р.п., называющим лицо, выступающее на брифинге [брифинг (кого?) министра, президента]; с существительным в пр.п., обозначающим место действия [*брифинг* (где?) в Министерстве иностранных дел]; с глаголами “проходить” [*“в Министерстве иностранных дел прошел брифинг”*], “проводить” [*“секретарь пресс — службы президента России провел брифинг”*].

3 – б) Отметим и приток новых (или переход из пассивного словаря в активный) экономических терминов, специальных слов, связанный с развитием предпринимательства, появлением элементов рыночной экономики, экономическими реформами и т.д.

С развитием биржевого дела в России появилась новая профессия — “*брокер*” — “лицо, выполняющее роль посредника при заключении сделок на бирже” (от англ. “*broker*”) ⁵, и, хотя оно включалось в словарь, было малоупотребительным. Сейчас же оно является одним из самых употребительных в текстах, связанных с переходом России к новым формам экономической деятельности, и в экономической, финансовой информации в прессе: “... пройти полный курс обучения в знаменитой школе брокеров” ⁶; “Подготовка брокеров и содействие в трудоустройстве” ⁷; “Школа брокеров фирмы “Находка” продолжает прием слушателей” ⁸. Заметим, что в русском языке есть близкое по значению слово “*посредник*”, также находящееся в активном употреблении. При большом сходстве значений слово “брокер” все же в настоящее время является специальным биржевым термином, обозначает лицо, работающее на бирже, в то время как “посредник” — человек или фирма, выполняющие посреднические услуги. В дальнейшем возможно полное слияние значений слов “посредник” и “брокер”, так как уже сейчас производное

прилагательное “*брокерский*” вышло за рамки биржевой терминологии и стало синонимом прилагательному “*посреднический*” в словосочетаниях типа “*брокерские* (т.е. *посреднические*) *услуги*”, “*брокерская контора*”, “*брокерская фирма*” и т.д.

Таким образом, появление слов подобного рода можно считать оправданным с точки зрения языковой необходимости, так как они пришли в русский язык вместе с новыми реалиями, для точного именования которых в нем не было соответствующих эквивалентов.

З – с) Наряду с этим происходит наплыв заимствований, значения которых тождественны уже существующим русским, и появление их ничем не оправдано с точки зрения языковой необходимости и объясняется исключительно модой на английский язык; такой процесс характеризуется лингвистами как нежелательный и засоряющий язык. Мы имеем в виду такие слова, как “*тинэйджер*” (англ. *teenager*) — подросток; “*гарант*” (фр. *garantie*) — поручитель; “*прессинг*” (англ. *pressing*) — давление (на кого-либо с целью оказать воздействие), например, в телевизионной передаче слышим: “Военнослужащие подвергаются жестокому прессингу,” — этот термин появился в языке средств массовой информации опосредованно — через активное функционирование в языке спортивных комментаторов, главным образом — футбольных и хоккейных; “*саммит*” (англ. *summit*) — переговоры на высшем уровне. Интересно, что употребление слова “саммит” по отношению к встречам глав правительств бывших советских республик часто имеет иронический характер, так как в сознании людей бывшего Советского Союза республики пока еще не осознаются как заграница, равно как и отношения между республиками пока лишь пародия на международные связи. В таких случаях при написании употребляются кавычки, что подчеркивает ироническое отношение авторов к описываемым мероприятиям, например, в статье о конфликте России

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

и Украины читаем : “Силовой маневр, явно приуроченный к открытию очередного “саммита” Содружества (СНГ — Т.В.,Г.Х.), окончен”⁹.

С определенной долей уверенностью можно утверждать, что слова типа “тинэйджер”, “саммит”, “рейтинг” непонятны людям, не знающим иностранный (в данном случае — английский) язык, и затрудняют понимание текста.

З – d) Остановимся теперь на группе слов, пришедших в русский язык сравнительно давно и внесенных в словари, однако в последнее время изменивших свое значение или расширивших лексическое поле, получивших новое самостоятельное значение. Так, для слова “конверсия” (от франц. “*conversion*” — “обращение”, “превращение”) приводится 3 значения — лингвистический, физический и финансовый термины, общее значение которых — “замена”. Однако, сохраняя базовое значение, каждый термин имеет свое специфическое значение. В период перестройки на базе общего значения возникло новое для обозначения новой реалии в жизни общества — “конверсия” — переход военной промышленности на производство мирной продукции, и именно в этом значении слово “конверсия” стало во второй половине 1980-х гг. общеупотребительным.

Английское слово “*presentation*” переводится в англо-русских словарях, как 1) подношение, вручение ; 2) представление ; 3) показ, постановка ; 4) предъявление¹⁰. Однако в русской прессе встречаем и транслитерованное “*презентация*”, означающее церемонию открытия, представления вновь созданной фирмы, компании, печатного издания — мероприятие, вошедшее в моду и получившее большое распространение. Видимо, необходимость использования нового слова (помимо дани моде) может быть объяснена тем, что переводное, наиболее близкое по смыслу слово “*представление*” относится в основном к развлекательным, зрелищным мероприятиям, например, “театральное или цирковое представление”. Транслитерированное же слово

“презентация” представлено в словаре¹¹ в одном значении — как бухгалтерский, финансовый термин. Таким образом, возможно говорить о приобретении словом еще одного значения. В этом значении слово употребляется с существительным в р.п., называющим объект представления: например, “презентация нового журнала”, “презентация фирмы”, а также с глаголами “состояться”, “пройти”, “проводиться”: “В пресс — центре правительства России состоялась презентация журнала “Родина”...”¹²

В официальной устной и письменной речи постоянно встречаем ставшее необычайно популярным слово “*приоритеты*”. Слово “приоритет” (от англ. “*priority*”) существовало в русском языке давно со значением “преобладающее, главное *значение*” (чего?) и употреблялось в конструкции “приоритет” + род.п. существительного, например, “приоритет общесоюзного закона”. Однако в новом, “модном” варианте “приоритеты” — *то, чему* отдается предпочтение, основное внимание, т.е. значение слова изменилось и является, по всей видимости, грамматической калькой с английского. В прежнем варианте (“приоритет” + р.п.) слово “приоритет” выполняло функцию номинатора качества (качество *чего?*), в новом — (без зависимого существительного в род.п.) приобрело значение самого качества. Поясним на нашем примере (в прежнем употреблении): “Для писателей-реалистов был важен приоритет (чего?) жизненной правды (над чем?) над эстетикой художественного произведения”; (в “новом” употреблении →): “Для писателей-реалистов жизненная правда (а не эстетика художественного произведения) являлась главным приоритетом”. С синтаксической точки зрения построение предложения усложнилось, так как слово “приоритет” в новом грамматическом употреблении исключает сочетание с зависимым существительным в твор.п. (приоритет над чем?), и возникает необходимость вводить в предложение дополнительные поясняющие конструкции (например, скобки) или дробить предложение на два.

Приведем примеры. “В экономической программе энергетика, легкая

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

промышленность... являются нашими приоритетами”¹³/. Сравним с английским: “Safety is our first, highest, top priority”¹⁴. Однако если в английском языке возможно употребление слова “priority” с прилагательными — определениями, в русском варианте подобрать соответствующие прилагательные невозможно: “Я Михаила Сергеевича тоже не раз спрашивал о его приоритетах”¹⁵. Сочетания же типа “основные приоритеты”, “главные приоритеты”, которые иногда можно услышать в небрежном, неграмотном употреблении, являются тавтологией.

Приведем пример метонимического образования значения по принципу перехода значения от “производителя действия” на “результат”. С распространением ксерокса (копировальной машины) получаемый результат, т.е. оттиск на бумаге, сделанный на ксероксе, назывался “*копией*”. Однако постепенно название копировальной машины перешло и на бумагу с оттиском, и теперь нередко можно услышать слово “*ксерокс*” в значении “копия”. Таким образом, эти синонимы сосуществуют в конструкциях “*сделать*” (что?) + В. п. “*копию*”, “*ксерокс*”. В сочетании с прилагательными предпочтительнее слово “копия” (плохая копия, старая копия), так как возможна неясность: “плохой ксерокс” (машина? копия?).

4 – а) Одновременно с наплывом заимствований происходит *переход из пассивного словаря в активный* старых русских слов, вышедших из употребления по разным причинам, главным образом, в связи с исчезновением из жизни реалий, для номинации которых они служили.

В московской газете читаем статью о создании “Гильдии московских промышленников”¹⁶. Слово “*гильдия*” (от польского “*gielda*” — “биржа”) до недавнего времени отмечалось в словарях как устаревшее, и означало оно в дореволюционной России “разряд купечества, установленный в соответствии с

торговыми и гражданскими правами, размеров капитала, налогов (1-я, 2-я, 3-я)”¹⁷ и тех купцов, которые к данной гильдии принадлежали. Статья же в газете объясняет, что в “Гильдию московских промышленников” вошли правительственные чиновники, директора предприятий и предприниматели, цель же создания гильдии, по словам автора, — защита интересов и оказание взаимной помощи и поддержки. То есть в данном случае “гильдия” означает не социальный разряд по признаку социального положения или наличного капитала, а просто некий союз, объединение, куда входят представители самых разных слоев общества и, возможно, имеющие разные интересы; устаревшее слово использовано не в строго исконном значении, а просто как *имя* данной конкретной организации, т.е. в весьма отдаленном значении. Обращение к устаревшему слову в данном случае, возможно, объясняется, его “благородным” звучанием, стремлением возродить былую славу российского предпринимательства.

Как известно, особую трудность в русском языке имеет вопрос употребления общепринятых обращений. Насаждавшееся в течение 73-х лет обращение “*товарищ*” в разговорном языке не прижилось и активно употреблялось лишь в официальной речи, деловой переписке и т.д. С изменением политической ситуации после августовских событий 1991г. слово “товарищ” вновь заменили дореволюционным обращением “*господин*”, звучащим более благородно, имеющим глубокие исторические традиции и, главное, не вызывающим идеологических коннотаций. Интересно, что это старое — новое обращение также утвердилось в основном только в официальном устном и письменном языке. В повседневной речи русские по-прежнему продолжают обращаться друг к другу со словами “*девушка*”, “*молодой человек*”, “*женщина*”, “*мужчина*” и т.д. В газетных текстах и текстах радио — и телепередач неофициального характера “старорежимное” слово “господин” употребляется чаще всего только иронически — в тех случаях, когда авторы стремятся

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

подчеркнуть несоответствие между теми благородными ассоциациями, которые вызывает это слово у современных носителей русского языка, знакомых с ним прежде всего по художественной литературе, и униженным, нищенским реальным положением миллионов людей, которых предлагается именовать “господами”. Так, в московской газете под заголовком “Сумки на стол, господа!”¹⁸ помещена небольшая заметка о том, что в одном из учреждений Российской академии наук был издан приказ, предписывавший выборочно осматривать сумки сотрудников, так как в учреждении участились случаи пропажи вещей (телефонов и канцелярских принадлежностей). Иронический эффект создается здесь несоответствием между ожиданием, заданным словом “господа” в заголовке (и ассоциациями с определенным рангом положения в обществе и поведением), и реальным поведением и положением “господ”. С другой стороны, отрицательную роль в формировании наших ассоциаций сыграла и коммунистическая официальная пропаганда, кино и литература, где часто сознательно подчеркивались и утрировались негативные качества господ-представителей высших слоев дореволюционного русского общества¹⁹. Посему частое именование “господами” представителей наиболее состоятельных слоев общества происходит в *противопоставление* бедным людям или, например, в рассказе о нечестном поведении правительственных чиновников, о пренебрежении ими (“господами”) интересами народа и т.д., как, например, в названии статьи “Рабочие, господа и товарищи”²⁰

Сходно и употребление слова “*светский*”, знакомое в основном по художественной литературе и словарями относимое к устаревшим. Например, в современном словаре “*свет*” объясняется как “Ограниченный круг людей, составляющий высший слой привилегированных классов буржуазно-дворянского общества”²¹. В художественной литературе описания светского общества связаны в основном с богатыми балами, изысканными манерами, интимной

информацией о наиболее богатых и известных людях. Сейчас же, когда ситуация в современном обществе принципиально отличается, слова “свет”, “светский” имеют иронический, скандальный оттенок. Поэтому и встречаем под рубрикой “Светская хроника”²² заметки о выставке кошек (не обыкновенных, а очень дорогих пород, купить которых простой человек себе позволить не может), подробностях личной жизни певцов и актеров или о драке в парикмахерской, где стрижется новая элита. Таким образом, так же, как и в случае с обращением “господин” иронический, скандальный эффект опять же вызывается несоответствием между “ожиданием”, заданным словом “светский” в заголовке, и реальным поведением представителей нового “лже — света”.

Отметим также и другое значение слова “светский” в политической терминологии, которая относится к мусульманским странам, чаще всего бывшим советским республикам. В этом случае слово “светский” означает *“нецерковный, нерелигиозный”* и подчеркивает противопоставление нецерковной государственной системы и власти и религиозной власти (главным образом исламской), — бывшие советские республики Средней Азии стоят сейчас перед таким выбором при строительстве своих государств. Терминологическое значение слова “светский” четко определено, например, в следующей фразе из выступления по телевидению одного из руководителей Таджикистана: “Мы хотим строить светское, неисламское государство”.

Вернулась в активное употребление политическая терминология периода конца XIX — начала XX в.в. в именовании различных политических партий и группировок. Понять смысл этих названий и соотнести с первоначальным, “историческим” значением необходимо, так как названия партий и группировок отражают форму политической организации (*“фракция”, “учредительное собрание”*) или суть и цели этой организаций (*“конституционная демократия”*). Предельно конкретное объяснение подобных “возрожденных” терминов возможно только после появления в прессе официальных программ и дек-

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

лараций, в которых будут четко сформулированы принципы организации и функционирования, а также политические задачи новых организаций и институтов.

4 – б) Особую сложность для понимания и перевода представляют составные наименования, в которых общее значение словосочетания не мотивировано значениями входящих в него слов, не выводимо из них, поэтому прежде всего важно общее значение всего словосочетания. Поясним: в образовавшихся сравнительно недавно географическо-политических терминах “*ближнее зарубежье*” и “*дальнее зарубежье*” и в том, и в другом случае определяющим смысловым ключом являются не значения прилагательных “ближний” и “дальний”, т.е. не расстояния между Россией и зарубежными странами, а признак вхождения/невхождения в состав бывшего СССР. Итак, в “ближнее зарубежье” входят только те государства, которые раньше были советскими республиками, в “дальнее” — все остальные страны. Напомним также и о существующем сравнительно длительное время третьего, схожего в грамматическом смысле, но отличного по значению названия “русское зарубежье” — русская эмиграция и созданные ею культурные ценности (главным образом, литература), за рубежом.

В информации, посвященной экологии, встречаем словосочетание “*экологический взрыв*”²³. Основное значение слова “взрыв” — “разрушение при помощи взрывчатых веществ”; в данном же словосочетании использовано его переносное значение, близкое к слову “катастрофа”, масштабы и опасность которой могут быть *подобны* взрыву. “Экологическим взрывом” могут оказаться последствия загрязнения речной воды, уничтожения леса и т.д., которые проявляются в больших масштабах (в виде эпидемий, гибели животных и т.д.) и стать очень опасными или непоправимыми.

Продукты и товары первой необходимости, присылаемые в Россию и республики бывшего СССР из зарубежных стран по линии “Красного креста”

и общественных организаций получили наименование “гуманитарная помощь”. С точки зрения значений составляющих компонентов сочетание неудачное, так как в нем произошло смешение значений слов “гуманитарный” и “гуманный”. “Гуманитарный” означает “относящийся к общественным наукам, изучающим человека и его культуру (т.е. философии, истории, литературе)”²⁴. Присылаемые вещи и продукты, естественно, никак не связаны с развитием этих наук, поэтому правильнее было бы употребить в данном случае прилагательное “гуманный” — “проникнутый любовью, уважением к человеческой личности”²⁵, в данном случае — желанием помочь. Использование в названии прилагательного “гуманитарный” можно рассматривать или как употребление данного слова в устаревшем значении, близком слову “гуманный”²⁶ или как полностью демотивированное в составе этого словосочетания. Неудачная формулировка объясняется тем, что в этом составном наименовании слово “гуманитарный” было не переведено с английского — “humanitarian” = “гуманный”, — а просто транслитерировано.

Приведем еще некоторые примеры переосмысления первоначального значения компонентов, входящих в устойчивые словосочетания. Одним из популярных видов встреч представителей различных политических партий, фракций и движений является “*проведение круглого стола*”. Здесь также ключевым является общее значение всего словосочетания: особая встреча представителей общественных движений и политических партий для открытого обмена мнениями, дискуссий по вопросам, затрагивающим интересы всех; при этом значения компонентов — “стол” и “круглый” — теряют самостоятельность, стираются. Первоначально название это формулировалось, как “беседа за круглым столом”, что более правильно с точки зрения смысловой и грамматической. Постепенно возникли сочетания с глаголами и предлогами, которые обычно употребляются с названиями различных мероприятий: проводить (что? — в.п.) съезд, встречу, круглый стол; после

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(чего? — р.п.) конференции, круглого стола. Таким образом, из первоначального “проведение (чего? — р.п.) беседы (за чем? — т.п.) за круглым столом” возникло сочетание “проведение (чего? — р.п.) круглого стола”.

Как и в случае с “круглым столом” в словосочетании “*беседа за закрытыми дверями*” стирается буквальное значение компонентов “закрытые” и “двери” и формируется общее значение — встреча, беседа политиков *без приглашения* на нее представителей *прессы, наблюдателей*, то есть определяющим является не физический признак “открытость/закрытость дверей”, а “закрытость доступа к информации”, секретность. Например: “Главной темой беседы Бориса Ельцина с лидерами фракций, проходившей за закрытыми дверями, было отношение России к СНГ”²⁷.

Пожалуй, самыми общеупотребительным из экономической области термином стало с января 1992г. роковое для семейных бюджетов миллионов граждан бывшего Союза словосочетание “*отпустить цены*”, в котором глагол выступает в переносном значении, употребительном только лишь в сочетании со словом “цены”. Согласно словарю, основными значениями слова “отпустить” являются: 1)позволить уйти (о живом существе); 2)перестать держать, выпустить из рук; 3)сделать менее натянутым (ремень, веревку)²⁸. Приведенные в словаре переносные значения также далеки от значения “перестать контролировать, централизованно сдерживать”, в котором данный глагол выступает в сочетании с “ценами”, поэтому, не зная конкретного значения этого словосочетания, переводить его только при помощи словаря затруднительно.

Довольно часто встречается в прессе сочетание “*партийные деньги*”; ставшее понятным основной массе читателей, оно употребляется в письменной и устной речи без специального комментария того, о каких деньгах какой партии идет речь. Пояснения однако требуются, так как сравнительно недавно такое словосочетание могло означать только одно — “официальные финансы КПСС”. Однако сейчас возникло более узкое значение — “часть денег, незаконно

скрытая бывшей КПСС в годы пребывания ее у власти или тайно переправленная в зарубежные страны”. Поскольку эта тема особенно часто и широко обсуждается, такое длинное и обстоятельное объяснение “сжалось” до сочетания “партийные деньги”. Приведем примеры в контексте: “Новая информация о партийных деньгах” (образец газетного заголовка в газете); “Розыск партийных денег ведет нанятая правительством нью — йоркская контора”; “Следы партийных денег обнаружены в банках Западной Европы” (из радиопередач).

Другой пример “сжимания” — возникшие также сравнительно недавно экономические термины “*рублевое пространство*” и “*рублевая зона*”, в “полном” варианте означающие “территории, на которых рубль функционирует как официальная государственная денежная единица”. Появление их связано с тем, что после распада СССР бывшие республики, став самостоятельными государствами, начали процесс введения собственных денежных единиц. Приведем пример: “Этому курсу... придется следовать и тем странам СНГ, которые будут играть на рублевом пространстве”²⁹ — речь здесь идет о странах, которые будут входить в общую финансовую систему, т.е. использовать рубль как основную денежную единицу. (Слово “играть” в данном случае является авторским окказионализмом и не входит в устойчивое сочетание с данными терминами). Статья под заголовком “Проблемы границ рублевой зоны. Кто выходит, а кто остается?”³⁰ также посвящена этой проблеме.

5) Смена власти в России и в бывших республиках, изменение политической системы, отказ от идеологии КПСС, естественно, внесли изменение в ключевой пласт политической терминологии, употребляемой политиками и средствами массовой информации для номинации различных реалий и процессов общественной жизни. В свою очередь, политическая лексика времен СССР

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

вышла из употребления. К такому пласту политической терминологии, на наш взгляд, относятся наименования политических институтов, государственных деятелей, политических группировок, структур, общественных процессов, отнесем сюда также и наиболее популярные экономические термины. В связи с потрясениями, происходящими в экономике и идеологии, исчезли из употребления популярные до недавнего времени такие ключевые словосочетания партийных лозунгов, как *“выполнение пятилетнего плана”*, *“повышение эффективности и качества производства”*, *“повышение производительности труда”* и т.д. Однако исчезновение это обусловлено не исчезновением их из сферы экономической терминологии, а *исключительно внутренней идеологией*: во времена СССР эти термины попадали в лозунги и прессу не благодаря своим базовым (изначально идеологически нейтральным словарным) значениям, а благодаря тому, что их выбирали в качестве ключевых словосочетаний идеологически маркированных текстов партийные идеологи. Таким образом, эти и подобные терминологические словосочетания функционировали в языке прессы как *“сакрализованные”*, — наделенные идеологическими обертонами, которые, в силу абстрактности и абсолютного несоответствия реалиям жизни фактически уничтожали истинный смысл. К примеру, выражение *“повышение производительности труда”* не в профессиональной речи, например, директора завода или статистической сводке, а в идеологизированном тексте прессы употреблялось в качестве клише не для описания реальных успехов производства, а для того чтобы вызвать у читателя соответствующие идеологические коннотации. Логика общественной жизни такова, что при любой ситуации на смену старым клише приходят новые, чтобы выполнять такую же функцию в восприятии *“реципиентом”* устного и письменного текста — при максимальной оторванности от основного значения вызывать те коннотации, которые требуют идеологические установки.

Политический жаргон нового времени, конечно, далек от стройности и

“округлости”, которая была присуща ему раньше, и формирование его прямо зависит от ситуации в обществе, однако в период 1991–92гг. постепенно входят в употребление новые термины — лозунги, цель которых — выполнять все те же “коннотативные” идеологические функции. Так, словосочетание “*оздоровление экономики*” в предложении: “Меры правительства по оздоровлению экономики обсуждались сегодня на правительственной коллегии”,³¹ означает не реальные сдвиги в лучшую сторону в области экономики, а просто очередные любые шаги правительства в этой области независимо от их реальных результатов. Мы воспринимаем в тексте именно это общее значение словосочетания как идеологический лозунг, общее название экономической политики правительства, в котором слово “оздоровление” в условиях углубляющегося экономического кризиса имеет нулевую семантику.

Приведем примеры новых клише, составляющие основу политического жаргона. Критериями их выделения являются регулярная повторяемость, наделенность идеологическими коннотациями, закреплённость за конкретными реалиями.

Все реже встречаются идеологически “устаревшие” определения “*ведущие капиталистические страны*”, “*империалистические державы*”, вместо них появилось более пространное — “*капиталистические страны с развитой демократией*”; реже стали оперировать такими понятиями, как “*прогрессивный*”, “*реакционный*”, “*агрессор*” и т.д. в связи с их категоричной оценочностью. В сообщениях о массовых волнениях 1989—90гг. в Литве, Тбилиси людей, выступавших против государственной власти, армии на митингах, именовали “*экстремистами*” независимо от того, какие политические требования выдвигали входившие в массу “экстремистов” люди; так называли всех, кто в период перестройки участвовал в массовых волнениях против властей. Ныне это слово как политическая характеристика используется редко, в сообщениях о различных событиях политического характера, как

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

правило, дается более пространное объяснение в силу произошедшего за последние 2–3 года политического размежевания различных сил и движений, их более четкой дифференциации.

Перестало мелькать на страницах газет модное в недавнее время слово “*плюрализм*”, введенное в политическую лексику партийными идеологами как знак демонстративного отказа КПСС на монополию в политической области и приглашение для всестороннего обсуждения основных проблем общественной жизни и политического курса, однако закрепился в официальном употреблении термин “*оппозиция*” — в радиопередаче слышим: “Парламентская оппозиция выдвигает требования”.

Территориальные конфликты, стремление отдельных краев, областей, входящих в состав государств — бывших республик СССР, к политической и экономической независимости получили название “*региональный сепаратизм*” — термин этот постоянно звучит по радио и на телевидении.

Участников военных конфликтов в Кавказском регионе, как правило, называют “*боевиками*”: “Выкуп за армянских боевиков, попавших в плен”³² Привычные слова “солдат” и “военный” в данном случае неприемлемы, так как используются для именования служащих регулярной армии; в региональных конфликтах же принимают участие и военные, и гражданские лица. Таким образом, возникла необходимость в использовании другого слова, обозначающего профессионально не маркированного человека, участвующего в военных действиях с оружием в руках. В этом случае слово не изобреталось вновь, а было извлечено из устаревшей лексики: “боевиками” называли в последней трети XIX — начале XX века участников вооружённых террористических групп, принадлежавших левым политическим организациям (в т.ч. и большевистской партии).

В информации из государств Средней Азии и Закавказья часто встречаются выражения “*клановая борьба*”, “*клановые структуры*” —

такие названия приняты для обозначения особой системы политической власти и административного управления (преимущественно в этом регионе). “Клан” — социально — политическая структура, в которой в качестве организационного доминирует принцип семейных, родственных связей. В прессе регулярно встречаются фразы, подобные следующей: “... ничего, кроме клановых структур, местных диктатур, это (стремление к отделению — Т.В.,Г.Х.) не дает”³³. Отметим также сочетания “*мафиозные структуры*” (т.е. разветвленные организации мафии) например, по радио слышим: “Для борьбы с мафиозными структурами необходимо укрепить материальную базу правоохранительных органов”; и “*коммерческие структуры*” (система закупок, продажи, финансирования коммерческих операций) — в телепередаче встречаем: “... определить порядок изъятия партийных денег из коммерческих структур”.

В соответствии с новыми принципами формирования организационных структур администрации президента, Верховного Совета и правительства лица, назначенные на высшие посты, в свою очередь, назначают подобранных ими специалистов и функционеров на должности своих советников, референтов и помощников, — весь этот состав именуется “*командой*”: “Егор Гайдар и его команда появились в коридорах российской власти через какое — то время после путча.”³⁴; “Представленный командой А.Руцкого проект документа предусматривает строгий административный контроль”³⁵

Многие специальные названия и термины юридического характера, относящиеся к конфликтным ситуациям, в связи с частой повторяемостью становятся известными и понятными многим людям, т.е. переходят из сферы профессионального употребления в более широкое. Так, решение о принадлежности какой — либо территории, здания и т.д. в собственность государства, администрации или учреждения определяется, как “*переход под юрисдикцию* (чего? — р.п.)”: “Эта акция, вероятно, будет предпринята в ответ на указ Б. Ельцина о переходе ЧФ (Черноморского флота — Т.В.,Г.Х.) под юрисдикцию

России”³⁶. Возможна сочетаемость с другими словами: “Что конкретно для 14 — й армии означает Указ Б.Ельцина о *перевод*е ее *под юрисдикцию* России?”³⁷; “Надеюсь, что он (Б.Ельцин — Т.В.,Г.Х.) сочтет возможным *принять* Театр на Таганке под юрисдикцию России”³⁸.

Для мирного решения юридическим путем различных спорных вопросов создаются “*согласительные комиссии*”. Отметим, что в связи с ограниченностью лексического значения слово “*согласительная*” (т.е. организованная для достижения согласия) входит только в наименования “*согласительная комиссия*” и “*согласительная процедура*”.

Приведем еще некоторые примеры относительно новых названий: “*народная дипломатия*” — поездки простых людей разных стран друг к другу для укрепления дружбы, ознакомления с жизнью и бытом, характерно для прессы предложение типа: “Народная дипломатия поможет нам преодолеть те противоречия между нашими странами, которые долгие годы не могут преодолеть политики”; “*слушания*” — ознакомление с проектом государственного документа и его обсуждение в какой — либо административной организации, — парламенте, мэрии и т.д. [Грамматическая сочетаемость: глаг. “*проходить*” + “*слушания*” (по чему?) + сущ. в Д. п. с предл. “*по*”; например: “На этой неделе прошли парламентские слушания по закону о приватизации”; “В Моссовете проходят слушания по правам человека”].

Один из важнейших вопросов внутренней политики России — соотношение центральной и местной власти в связи усилившимися центробежными тенденциями отдельных областей, теснейшим образом связанное с проблемой территориальной целостности государства; в связи с этим отметим еще два немаловажных юридических термина — “*делегирование полномочий*”, т.е. полный переход важнейших властных функций от центра к местной власти, и “*разграничение полномочий*”, т.е. частичный контроль центра. Поясним на примере из статьи о судьбе Татарстана (республики,

входящей в состав России, где наиболее сильно выявились тенденции к отделению): "... большая часть проблем может быть решена, если обе стороны (т.е. центральное правительство России и местная администрация — Т.В.) договорятся использовать термин "делегирование полномочий" вместо "разграничение полномочий <...> в перечень делегированных полномочий вошли бы такие, как эмиссия денег, оборона, таможенная служба и др. В этом случае Казань может признать действие российской Конституции на своей территории в рамках делегированных полномочий"³⁹.

ба) Заметно активизировался в последнее время процесс вторжения в язык прессы и телевидения слов из вторичных коммуникативных систем — *профессиональных жаргонов и слэнга*, что можно объяснить изменившимися условиями жизни общества: снятием жестких цензурных рамок, частичный отказ от казенного, шаблонного языка, выработанного за долгие годы идеологического давления, а также притоком молодых журналистов в редакции газет и на телевидение, для которых, к примеру, молодежный слэнг является естественным, наиболее употребительными словами для многих из них стали речевой привычкой, вошли в языковую норму. Поток таких слов, возможно, вызывает трудности понимания текста не только для иностранцев, но и носителей русского языка старшего поколения, не знакомых со слэнгом, особенно словами иноязычного (чаще всего англоязычного) происхождения. Однако некоторые из них в связи с высокой частотой употребления, уникальностью своего значения постепенно переходят в разряд общеупотребительных и, возможно, в будущем могут быть внесены в словари литературного языка. По крайней мере, для того чтобы понимать тексты газет, телевидения и радио и правильно переводить, необходимо их знать и хорошо понимать оттенки значений.

бб) Основной источник таких слов — *молодежный слэнг*, сложив-

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

шийся в конце 1970–80-х гг. Общеизвестно, что слэнгу свойственна большая по сравнению с литературным языком динамичность, т.е. довольно быстрое обновление лексического запаса — практически каждое поколение вносит довольно ощутимое количество новых слов и выражений, происходит быстрое “наслаивание” лексических пластов. Однако те слова из слэнга, которые постепенно внедряются в общеупотребительную речь, являются довольно старыми, т.е. требуется определенное время для того, чтобы они вошли в широкое употребление не только в молодежной среде, “осели” в основном лексиконе.

Общеизвестное ныне слово “*совок*” — одно из самых интересных по происхождению и по тому, как в его употреблении отражается психология советского человека. Возникло оно, видимо, в середине 1980-х гг. в слэнге как презрительный вариант официально принятого в то время словосочетания “советский человек”. Словообразовательный процесс, на наш взгляд, можно объяснить следующим образом: произошло усечение основы слова “советский” с прибавлением суффикса [ок], имеющего в данном случае принижающее, презрительное значение (по образцу таких грубых слов, как “придунок”, “недоносок”) и системы флексий мужского рода (р.п. *совк* [а]; д.п. *совк* [у] и т.д.). Затем постепенно образовалось новое метонимическое значение — наименование всего СССР — “совок”, в котором трудно определить мотивированность суффикса, и, видимо, правильнее его вообще не выделять, считая все слово корнем. Таким образом, сейчас существуют два омонима, обозначающие 1) человека, проживающего на территории бывшего СССР; 2) бывший СССР.

После распада СССР и, соответственно, отмены официального именования “советский” название “совок” и в одном, и в другом значении по — прежнему активно употребляется, так как является более привычным, чем официальное “СНГ”, а главное, прекрасно выражает отношение говорящего или

пишущего к предмету номинации, так как является эмоционально окрашенным и употребляется в основном в негативном контексте.⁴⁰ Это же относится и к образованному от него прилагательному “совковый”: “Очень мешает нам “совковая” подготовка журналистов” (в статье о качестве публикуемого материала⁴¹); “Многие из нас с ужасом думают о том, что надо отдавать детей в совковую школу”⁴²; “35–40 долларов в месяц... по “совковым” меркам... немало”⁴³

6с) Одной из главных причин перехода слов из вторичных коммуникативных систем в разряд общеупотребительных является их *экспрессивность, метафоричность значений*, подчас более меткая характеристика предмета, явления номинации по сравнению со словами литературного языка. На профессиональном слэнге перекупщиков и торговцев валютой названием долларов США служит субстантивированное прилагательное “зеленые” (т.е. зеленого цвета), заменившее слово “доллары”, возможно, в связи с отказом прямого называния иностранной валюты, табуированием, так как такая деятельность до недавнего времени преследовалась законом. С углублением экономического кризиса центральной проблемой, интересующей всех, стала конвертируемость рубля, т.е. его соотношение с денежными единицами других стран. Поскольку соотношение это явно не в пользу рубля, возникло меткое народное название “деревянные” (также субстантивированное прилагательное), т.е. не обеспеченные золотым запасом, далекие по ценности от золота. Название это быстро стало общеупотребительным. В письменном варианте написание обоих слов колеблется — встречается употребление с кавычками и без них: “Рослесинвест” собирается вкладывать деревянные в дерево”⁴⁴; “Сколько “деревянных” будем отдавать за один “зеленый”, сказать трудно”⁴⁵.

6d) Помимо выразительности, метафоричности слэнга есть еще одна

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

причина перехода слов в широкое употребление: иногда слова из слэнга, жаргона становятся *единственным точным наименованием* какого — либо общественного явления, в литературном языке слово с подобным названием отсутствует, и общий смысл возможно передать лишь при помощи обстоятельного описания. Слово “*беспредел*” как жаргонное отсутствует в словарях литературного языка⁴⁶. В словаре находим лишь однокоренные: “*беспредельный*” — 1) не имеющий пределов; 2) чрезмерный, чрезвычайный (например, “*беспредельная любовь*”); а также существительное “*беспредельность*”, выражающее свойство по значению прилагательного и однокоренное наречие⁴⁷. Значение жаргонного слова, образованного от прилагательного путем нулевой аффиксации хотя в основе и сходно по значению с прилагательным, приобрело самостоятельное значение; оно зафиксировано у И.П.Вориводы: “*беспредел*” — группировка; “*беспредельные люди*” — хулиганы⁴⁸; а также в словаре блатного жаргона: “*беспредельщина*” — одна из лагерных группировок зэков типа бандеровцев⁴⁹ (т.е. отличающаяся крайней жестокостью и неподчинением общему закону). Таким образом, первоначальное значение слова “*беспредел*” в уголовном жаргоне можно сформулировать приблизительно так: “группа, не подчиняющаяся общему закону и способная на крайне жестокие действия”. Постепенно это значение перешло с названия группы на обозначение *самого действия* в сочетании с глаголами “*учинить*”, “*устроить*”, т.е. “*устроить беспредел*” — устроить погром, месть, расправу, разбой и т.д. Поскольку значение этого слова объединяет значения подобных семантически близких слов, оно стало как бы “обобщающим” наименованием без более конкретной характеристики действия.

Постепенно значение этого слова еще более расширилось, и, став общеупотребительным, сейчас оно обозначает не только физические действия (и не только уголовного, разбойного характера), но и бесконтрольную ситуацию, незаконные действия или поведение кого-либо. Это слово можно встретить в

самых различных контекстах, и в каждом конкретном случае его значение имеет различные оттенки: *“бюрократический беспредел”* — неограниченная власть бюрократов; *“беспредел Февраля 1917г.”* — бесконтрольная, выходящая за рамки конституции политическая борьба, беззаконие (то же *“правовой беспредел”*); “... в России демократию понимают ... как вседозволенность, как “можно все”, как беспредел”⁵⁰; “... во всем у нас беспредел, надо писать самому Ельцину”⁵¹, — в последних двух примерах слово *“беспредел”* выступает в значении, близком к *“беззаконию”*, но эмоциональные коннотации *“беспредела”* (в силу *“привязанности”* в сознании русского человека к уголовному/блатному жаргону) значительно сильнее.

6е) Одна газетная рубрика — в *“Аргументах и фактах”* — называется *“Стук, стук, стук, я твой друг”*⁵², понять заголовок которой невозможно, не зная точного значения слова *“стук”*, пришедшего из *тюремного жаргона*. Комментарий и объяснение находим в *“Справочнике по ГУЛагу”*⁵³: *“...стукач — тот, кто стучит в дверь камеры, чтобы выпустили в коридор для секретного сообщения, доносчик... Термин, неизвестный в царской тюрьме, появился в самом начале советской власти”*. Под этой рубрикой газета публикует найденные в архивах КГБ документы о доносчиках, *“стукачах”* и информации, которую они поставляли в КГБ.

Слова *“стукач”* и *“стучать”* утвердились в разговорном языке давно, однако до недавнего времени, по понятным причинам, в прессе не употреблялись; сейчас же встречается гораздо чаще, чем старое слово *“доносчик”*. Варианты грамматических связей такие:

стучать — куда? — *в КГБ, в партком* (В.п.)

— кому? — *начальству* (Д.п.)

— на кого? — *на соседа* (В.п.) ← о человеке, про которого передается информация.

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

6f) Другая рубрика газеты “Аргументы и факты” называется “Дед объясняет, советует”⁵⁴; предназначена она тем, кому в скором времени предстоит служить в армии. На жаргоне военных “дед” — солдат, служащий в армии второй год; одна из острейших социальных проблем армии — жестокое, унижающее отношение “дедов” к молодым новобранцам, служащим первый год, — получила название “дедовщина” (суффикс — *щин* — служит для образования существительных со значением негативного социального явления — “уголовщина”, “безотцовщина”, “достоевщина” и т.д.). Как и в описанных случаях, значение со временем расширилось и стало употребляться не только по отношению к солдатам 1 — го и 2 — года службы, но и в случае произвола, беззакония лиц, занимающих высокие должности, посты, по отношению к подчиненным, и теперь не всегда означает физические действия (в отличие от первоначального значения): “У нас дедовщина давно уже перешла на уровень отношений офицеров и высшего командования,” — признается один из участников телепередачи о противоправных действиях командования Дальневосточным флотом, о притеснении подчиненных). В официальной армейской терминологии есть эквивалентное по значению словосочетание “*неуставные отношения*”, однако в разговорной речи и неофициальных текстах прессы чаще встречается “дедовщина” как более краткое, выразительное и эмоционально окрашенное.

6g) Другой пример подобного рода — “*тусоваться*”, “*тусовка*” слова из молодежного слэнга. До 70-х годов слово “тасовать” (в разговорном языке — фонематический вариант “тусовать”) было известно как картежный термин: “тасовать” перемешивать игральные карты; “*тасоваться*” — страдательное к “тасовать” (т.е. употребительное только в варианте типа “карты тасуются играющими”). Происхождение — от франц. *tasser* — “накладывать грудой”. В 70-е г.г. на базе основного значения “перемешивания” в молодежном слэнге возникло новое значение слова “*тусоваться*” (в

активном залоге) и существительное “тусовка”, обозначающее в определенных слоях молодежи способ совместного проведения времени — сбор, встречу без определенной цели в любом составе и количестве, например: “Вчера у них была тусовка на Арбате”; иногда — просто большое скопление людей: “Иду и вижу — у магазина большая тусовка”. Соответственно “тусоваться” — собираться в группы без определенной цели или просто гулять, проводить время: “Утром я тусовался в центре, потом поехал к родителям”. Слово это стало необычайно популярным и привычным даже в устах представителей старших поколений, и постепенно значение его расширяется: “Страна превратилась во всеобщую тусовку. Тусовка и болтовня, а не занимаются делом”⁵⁵, — т.е хаотичная, лишенная разумного начала и упорядоченности жизнь; название рубрики в газете “Коммерсантъ” — “Светская тусовка” — о событиях в жизни привилегированных слоев нового русского общества.

7) Современная русскоязычная пресса представляет ежедневно огромное количество нового лексического, грамматического и стилистического материала. Отдельной и важной темой является стиль современных газет, связь языковых особенностей конкретных газет с их политической позицией, перемена газетного этикета, способы преломления информации в газетных текстах; изменение состава экспрессивной, оценочной лексики и то, какое воздействие это может иметь на сознание читателей; использование аллюзий на известные анекдоты, подтекст, скрытое цитирование, — не имея предварительного знания, невозможно понять до конца истинный (заложенный автором) смысл. На данном, чрезвычайно щедром на новые лексические “изобретения” этапе развития русского языка перед преподавателями русского языка как иностранного на первый план выходит задача быстрого освоения оригинального лексического материала и оперативного включения его в свои учебные курсы. Авторы надеются, что своей работой они внесут свой посильный вклад в решение этой

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

проблемы, и с благодарностью примут все отзывы, советы и рекомендации, касающиеся данной статьи.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ :

1. “АиФ” — “Аргументы и факты”
2. БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3 — ье, в 30тт., М., 1970 — 1978гг.
3. “ВМ” — “Вечерняя Москва”
4. “Изв.” — “Известия”
5. “Коммер.” — “Коммерсантъ”
6. “Кур.” — “Куранты”
7. “Лит.Нов.” — “Литературные новости”
8. “НВр” — “Новое время”
9. “Ог.” — “Огонёк”
10. OхERD — The Oxford English — Russian Dictionary. Oxford, 1992
11. СРЯ — 81 — Словарь русского языка. В 4 — х тт., М., “Русский язык”, 1981–84гг.
12. СРЯ — 91 — Словарь современного русского литературного языка. М., “Русский язык”, т.1 — 1991г., т.2 — 1992г.

ПРИМЕЧАНИЯ :

1. См., например: Ел. Гессен. Новояз — 1985. “Грани”, №138, 1985г.
2. СРЯ — 81.
3. СРЯ — 91.
4. СРЯ — 81.
5. Там же.
6. “АиФ”, №18, 1992г.
7. “ВМ”, 19. 03. 82г.
8. “ВМ”, 20. 03. 92г.
9. “Кур.”, №55, 1992г.
10. OхERD.

ОЧЕРЕДНАЯ “НОВАЯ ВОЛНА” В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

11. СРЯ — 81.
12. “ВМ”, 16. 03. 92г.
13. Из выступления в российском парламенте.
14. ОхERD.
15. “НВр”, №23, 1992г.
16. “Кур.”, №56, 1992г.
17. Толковый словарь русского языка. В 4 — х тт., М., ОГИЗ, 1935–40гг.
18. “Кур.”, №55, 1992г.
19. В частности, этот заголовок вызывает определенные ассоциации с популярным в советское время кинофильмом “Котовский”.
20. “ВМ”, №52, 1992г.
21. СРЯ — 81.
22. “Ог.”, №12–13, 1992г.
23. “Кур.”, №56, 1992г.
24. СРЯ — 81.
25. Там же.
26. Там же.
27. “ВМ”, №55, 1992г.
28. СРЯ — 81.
29. “АиФ”, №18, 1992г.
30. “Изв.”, 20. 08. 92г.
31. Из радиосводки новостей 27. 07. 92г.
32. “Кур.”, №56, 1992г.
33. “АиФ”, №15, 1992г.
34. “НВр”, №26, 1992г.
35. “Изв.”, 19. 08. 92г.
36. “АиФ”, №14, 1992г.
37. Там же.

38. Там же.
39. Там же.
40. "Литературная газета", 08. 04. 92г.
41. "АиФ", №10, 1992г.
42. "Ог.", №12-13, 1992г.
43. Из телепередачи о зарплате российских солдат в миротворческих силах ООН.
44. "Коммер.", №26, 1992г.
45. "АиФ", №18, 1992г.
46. В т. ч. в СРЯ — 91.
47. СРЯ — 81.
48. И.П.Воривода. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступных элементов. Алма — Ата, 1971г.
49. Словарь блатного жаргона в СССР. Сост. А.Скачинский. Нью—Йорк, 1982г.
50. "Лит. Нов.", №2, 1992г.
51. "ВМ", №55, 1992г.
52. "АиФ", №15, 1992г.
53. Ж. Росси. Справочник по ГУЛагу. Overseas Publications Interchange, London, 1987г.
54. "АиФ", №14, 1992г.
55. "Лит. Нов.", №2, 1992г.